Редакция журнала «Звезда»
рада сообщить читателям
о присуждении нашим постоянным авторам
литературных премий:

Александр Семенович Кушнер —
Государственная Пушкинская премия 2001 года

●

Арлен Викторович Блюм —
премия «Северная Пальмира» 2001 года
за книгу *«Советская цензура в эпоху тотального террора»*
(СПб., Академический проект, 2001)

●

Елена Семеновна Чижова —
премия «Северная Пальмира» 2001 года
за роман *«Крошки Цахес»*
(журнал «Звезда», 2000, № 4)

●

Борис Борисович Рыжий (посмертно) —
премия «Северная Пальмира» 2001 года
за книгу стихов *«И все такое...»*
(СПб., Пушкинский фонд, 2001)

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
НЕЗАВИСИМЫЙ
ЖУРНАЛ

**Издается
с января
1924
года**

8

2001

Санкт-Петербург

Из общего тиража каждого номера Институт «Открытое общество» выкупает и безвозмездно направляет в сельские библиотеки России 1700 экземпляров журнала «Звезда».

350 экземпляров журнала печатаются при поддержке Комиссии по образованию и культуре Законодательного собрания Санкт-Петербурга (председатель Л. П. Романков) и безвозмездно направляются в школьные библиотеки Санкт-Петербурга.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации (1116 экземпляров рассылаются по библиотекам РФ).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Министерства печати и информации Российской Федерации № 01589 от 21 сентября 1992 г.

Учредитель: АОЗТ «Журнал «Звезда» **Директор Я. А. ГОРДИН**

Информацию о журнале «Звезда»
и материалы из всех номеров журнала
можно найти в INTERNET по адресу:
http://novosti.online.ru/magazine/zvezda/index.htm

www.online.ru

Подписаться на журнал можно непосредственно в редакции.

Адрес редакции: 191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 20. Телефоны: соредакторы и зам. гл. редактора — (812) 272-89-48, зав. редакцией — (812) 273-37-24, редакция — (812) 272-71-38, факс — (812) 273-52-56, отдел реализации — (812) 273-76-92.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

ЮРИЙ КОЛКЕР

ПАМЯТИ КЛОДА ШЕННОНА

Мог ли я думать, что в Лондоне смерть твою встречу?
Значит, мальчишкой ты дивный твой замок воздвиг!
Юноша-воин, прости! Запоздалою речью
Славит тебя никудышный седой ученик.

В лучшие дни энтропийным твоим логарифмом
Я осенялся. Прощай, чародей-нелюдим!
Много твой гений способствовал варварским рифмам
В дальнем краю, где особенно был ты любим.

Старому свету нести его старую ношу.
Здесь атмосфера густа, кладовая полна.
Я потому уж в Америку камня не брошу,
Что пред тобой распахнула пространства она.

Формула — вот панацея. В ней мысль оседает,
Прах претворяя в прозрачный и чистый алмаз.
Мы без нее полузвери. Живое страдает.
Лишь совершенство врачует и пестует нас.

Сосны у главного корпуса, горечь и влагу
Первой любви, безнадежность, надежды оплот,
Муку, отчаянье, боль, вдохновенье, отвагу, —
Всё, умерев, ты на миг возвращаешь мне, Клод.

Гёделя вспомнят иные, иные — Эйнштейна,
Но небожителям смерду служить не с руки.
Нет, лишь с тобою, наставник мой, благоговейно
Был и пребуду, обеим смертям вопреки.

* * *

Деревья форм своих не сознают,
Пространства свойств, незрячие,
не знают,
Не видят, как хорош ажурный лист,
В прожилках, ими вызванный из мрака
Земли. И мрак невнятен им, а свет
Они воспринимают осязаньем,
Как ласку божества, его улыбку,
Но — внепространственную, как они.

Вот клен шумит под ветром, свеж и влажен.
Спроси его о месте, где он вырос,
И он ответит шорохом листвы
Недоуменно-мудрым: я — нигде.
Душа в геометрическую точку
Не так же ли вмещается? — но мощно
Фрактальные развертывает формы
В пространстве смежном,
разуму незримом...

Юрий Иосифович Колкер (род. в 1946 г.) — поэт, автор сборников стихов: «Послесловие» (Иерусалим, 1985), «Антивенок» (Иерусалим, 1987), «Далека в человечестве» (М., 1991), «Завет и тяжба» (СПб., 1993), «Ветилуя» (СПб., 2000). Живет в Лондоне.

ПУБЛИЦИСТИКА

А. В. БЛЮМ

КАК ВЫБИРАЛИ В АКАДЕМИКИ

(По секретным сообщениям госбезопасности)

В январе 1939 г. происходили очередные выборы в ООН, но не в Организацию Объединенных Наций, возникшую спустя шесть лет, в 1945 г., о чем наши славные органы, при всей их проницательности, еще не догадывались. Речь шла об организации, которая в 30-е годы фигурировала под такой же аббревиатурой, а именно об академическом Отделении общественных наук. В него были тогда собраны из разных отделений все ученые-гуманитарии; ранее, по уставу 1836 г., в Академии существовало три отделения: физико-математическое, русского языка и словесности и историко-филологическое. В конце 20-х годов ликвидированы были историко-филологические факультеты в университетах: вместо них созданы факультеты обществоведения. Сделано это с той целью, чтобы и крупнейшие ученые, имевшие сомнительное классовое происхождение, и будущие филологи и историки находились под постоянным вниманием «обществоведов» и «философов», вооруженных единственно правильной (марксистской, естественно) методологией. В середине 30-х годов, в связи с наметившимся поворотом режима к державности и стремлением его подражать некоторым институциям дореволюционной России, начинается очередная «перестройка» Академии наук и системы высшего образования. Создаются ИФЛИ в Москве, ЛИФЛИ в Ленинграде, постепенно восстанавливаются филологические факультеты университетов. На рубеже 1938—1939 гг. произошла реорганизация Академии; решено было Отделение общественных наук расформировать, возобновив, в частности, отделение языка и литературы.

Процедура выдвижения и отбора кандидатов в действительные члены и члены-корреспонденты Академии, как и всегда, впрочем, сопровождалась потаенными играми, далекими от интересов науки. В отличие от аналогичных выборов, происходивших десятилетие назад и чуть ли не закончившихся провалом проверенных партийных кандидатур, решено было не «пускать дело на самотек» и взять выдвижение и голосование под контроль. Наибольшее подозрение вызывало вновь создаваемое Отделение языка и литературы. К делу, естественно, подключились и органы ленинградской госбезопасности, поскольку подавляющая часть академиков-филологов жила и работала в нашем городе (до революции вообще академиками могли быть только петербуржцы; в связи с этим и введено было звание члена-корреспондента, который мог жить где угодно).

О потаенных играх госбезопасности свидетельствует, в частности, весьма обширное (на 18 листах) «спецсообщение» в Смольный, составленное 16 января 1939 г. и адресованное в первую очередь А. А. Жданову, в то время не только первому секретарю Ленинградского обкома ВКП(б), но и секретарю ЦК, курировавшему идеологию. Снабжено оно грифом «совершенно секретно» и вошло в довольно пухлое дело под названием «Спецсообщения Управления НКВД СССР по Ленинградской области по специальным вопросам. Начато 2 января 1939 г. — окончено 23 марта 1939 г.».[1]

Арлен Викторович Блюм (род. в 1933 г.) — доктор филологических наук, автор исследований по истории русской литературы и цензуры, в том числе книг: «За кулисами „Министерства правды". Тайная история советской цензуры. 1917—1929» (СПб., 1994), «Советская цензура в эпоху тотального террора. 1923—1953» (СПб., 2000). Лауреат премии «Звезды» (1998) и «Северной Пальмиры» (2001). Живет в С.-Петербурге.

Секретное донесение под названием «КАК ПРОТЕКАЮТ ВЫБОРЫ НОВЫХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ И ЧЛЕНОВ-КОРРЕСПОНДЕНТОВ В АН СССР (отделение языка и литературы)» предварено такой врезкой: «Препровождаю материал о ходе подготовки к выборам в действительные члены и члены-корреспонденты Академии наук СССР.

Начальник Управления НКВД

Комиссар Госбезопасности 2 ранга Гоглидзе».

Этот документ явно составлен на основе донесений так называемых «*н/источников*» (*наших источников*) — осведомителей, внедряемых в каждое сколько-нибудь значительное советское учреждение. Вот лишь некоторые его фрагменты:

«9 января состоялось общее собрание членов Отделения общественных наук под председательством ДЕБОРИНА. Председатель огласил список кандидатур по трем отделениям, на которые с прошлого года разбито ООН: экономики и права (6 действительных и 22 членов-корреспондентов); истории и философии (17 действительных и 35 членов-кор.); языка и литературы (13 действительных и 23 членов-корреспондентов).

На каждые из названных отделений дано по 5 вакансий действительных членов и по 10 вакансий членов-корреспондентов. Вся организационная работа и руководство выборами новых академиков возложена на ДЕБОРИНА, председателя ООН.

Поручение ДЕБОРИНУ руководства выборами по ООН уже сразу заставило насторожиться и поставило под сомнение вопрос о том, захочет ли ДЕБОРИН провести выборы так, как это отвечало бы на деле интересам передовой советской науки, то есть директивам партии и правительства. Его обычная двурушническая тактика ставила под сомнение успех дела в указанном выше смысле. Действительность показала, что опасения эти были основательными. Сейчас еще, конечно, преждевременно говорить об окончательных результатах выборов в ООН, но имеющиеся уже факты заставляют своевременно сигнализировать об угрожающей опасности <...>

„Директивная" речь ДЕБОРИНА совершенно развязывала руки реакционной части академиков для свободы действий. Кроме того, ДЕБОРИН в своей речи не поддержал, в частности, таких кандидатур, как, например, т. т. ТОЛСТОГО и ШОЛОХОВА; не поддержал принципиально также и кандидатур передовых советских ученых, у которых, может быть, и нет капитальных „академических" трудов, но которые прекрасно вооружены марксистско-ленинско-сталинской методологией, вооружены большим опытом общественно-политической работы и т. п.

Речь ДЕБОРИНА была совершенно лишена партийного содержания и какого бы то ни было намека на установки правительства и партии в деле развития нашей науки, она, несомненно, окрылила реакционную часть академиков, но на других она произвела удручающее впечатление <...>

Трудно объяснить себе совершенно невероятный, странный состав Экспертной комиссии по языку и литературе — самом запущенном участке ООН. В него вошли следующие академики: ОРЛОВ, КРАЧКОВСКИЙ, ЖЕБЕЛЕВ, ДЕРЖАВИН, АЛЕКСЕЕВ, ЩЕРБАТСКИЙ. В качестве председателя был назначен акад. МЕЩАНИНОВ <...> МЕЩАНИНОВ не только персона, пользующаяся полным доверием ДЕБОРИНА, не только его фаворит, но и его раб: он беспрекословно выполняет все директивы ДЕБОРИНА, делает все, что ему угодно. Поэтому, назначая МЕЩАНИНОВА председателем Экспертной комиссии по языку и литературе, ДЕБОРИН мог быть спокоен: его директивы будут выполнены.

Отбросив таким образом из состава экспертной комиссии МЕЩАНИНОВА, как не принимавшего в ее работе никакого участия, мы получим семь человек: ОРЛОВ, КРАЧКОВСКИЙ, ЖЕБЕЛЕВ, ДЕРЖАВИН, АЛЕКСЕЕВ, ПЕТРОСЯН (включен позднее. — *А. Б.*) и ЩЕРБАТСКИЙ. Из этих семи человек четыре заведомо махровые черносотенцы (КРАЧКОВСКИЙ, ЖЕБЕЛЕВ, АЛЕКСЕЕВ и ЩЕРБАТСКИЙ). Сознательно или несознательно был подобран таким образом состав Экспертной комиссии по языку и литературе? Словом, получилось так: посадили двух академиков, которые безоговорочно будут проводить линию партии и правительства, и противопоставили махровых черносотенцев (так! — *А. Б.*), которые эту линию будут всячески срывать, отстаивая кандидатуры таких же махровых черносотенцев. Утром, 10 января, к двум академикам (ОРЛОВ и ДЕРЖАВИН) кто-то подкинул тов. ПЕТРОСЯНА и таким образом «левая» группа была усилена. Хотя тов. ПЕТРОСЯН и не ученый, но он честный партиец и великолепно ориентирован в задачах советской науки. Поэтому свои-

ми принципиальными установками он весьма подкреплял выступления ДЕРЖАВИНА и ОРЛОВА. И, тем не менее, трем лицам, лишенным при этом какого бы то ни было руководства и директив, бороться против хорошо организованных четырех противников было трудно. Выборам угрожал бы неминуемый провал, если бы не отсутствовал КРАЧКОВСКИЙ, хотя его с успехом заменил Иосиф ОРБЕЛИ, не член комиссии, но присутствовавший на заседании и настойчиво поддерживавший все выступления реакционеров. Под сильным ударом оказались кандидатуры, особенно поддержанные советской и партийной общественностью: БАРАННИКОВ, директор Института Востоковедения (из рабочей семьи), писатели А. Н. ТОЛСТОЙ и ШОЛОХОВ, ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ (член ВКП(б)), ЛУППОЛ (член ВКП(б)). Этому списку противопоставлен другой: ЖИРМУНСКИЙ, ОБНОРСКИЙ, ШИШМАРЕВ и ЩЕРБА (ни одного партийца).

С большим трудом удалось сбить кандидатуру проф. ЩЕРБЫ, ученого-реакционера, совершенно бесплодного и бесполезного для Академии наук ученого, и перенести его кандидатуру в конец списка, чтобы тем самым спасти кандидатуру ОБНОРСКОГО, единственного, хотя и не блестящего талантами, в Советском Союзе крупного и подлинного знатока русского языка: в Академии наук около 10 лет кафедра русского языка пустует. Но председатель Комиссии МЕЩАНИНОВ пошел на сделку с реакционерами и поставил кандидатуру ЩЕРБЫ (б. член кадетской партии) на последнее место в списке, как второочередную кандидатуру. Таким образом, список кандидатов, отобранных Экспертной комиссией языка и литературы для представления в Отделение общественных наук, к выборам оказался следующим: ОБНОРСКИЙ (рус. яз.), ШИШМАРЕВ (зап.-европейская литература), БАРАННИКОВ (востоковедение), ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ (член ВКП(б), новая литература), ЛУППОЛ (член ВКП(б), зап.-европейская литература), ТОЛСТОЙ (писатель), ШОЛОХОВ (писатель). Вторая очередь — ЩЕРБА (лингвистика, реакционер).

Что касается остальных кандидатур в действительные члены, то Экспертная комиссия постановила; ПИКСАНОВ — отклонить (рус. литература), УШАКОВ — отклонить (рус. язык), ДЖАМБУЛ ДЖАБАЕВ (народный поэт) — рекомендовать в почетные академики, ЖИРМУНСКИЙ (зап.-европейская литература) — перевести в члены-корреспонденты.

Лидером реакционной группы был акад. АЛЕКСЕЕВ. Его выступления носили нагло-развязный характер. Он не давал говорить при рассмотрении кандидатур партийцев ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО и ЛУППОЛА. Он задавал вопросы, знают ли они иностранные языки. Пришлось, в конце концов, его одернуть, обратив его внимание на то, что мы рассматриваем кандидатуры для выбора в действительные члены Академии, а не производим отбора кандидатов в аспиранты. После этого он перестал ставить этот вопрос <...>

Заслуживает быть отмеченным возмутительное поведение академика ОРБЕЛИ (Иосифа). Пользуясь доверием правительства и партии, занимая такие ответственные командные должности, как должность директора Эрмитажа и директора академического Института истории материальной культуры, на заседании Экспертной комиссии он, не будучи членом Комиссии, но, как академик, пользуясь правом совещательного голоса, решительно солидаризовался с реакционером АЛЕКСЕЕВЫМ и выступил с защитой кандидатуры ЩЕРБЫ, типичного представителя махровой лженауки. Когда один из академиков, возражая против кандидатуры ЩЕРБЫ, указал на то, что ЩЕРБА ничего серьезного не внес в науку и ничего больше в своей жизни не создаст, а, выбирая новых академиков, мы не можем не учитывать перспектив строительства советской науки, ОРБЕЛИ стал резко возражать против внесения в обсуждение кандидатур элемента прогноза <...>

Подводя итоги работам Экспертной комиссии по Отделению языка и литературы, надо признать, что она не справилась с ответственнейшей задачей, и не справилась по двум причинам: во-первых, по причине специфического подбора состава ее членов, большинство которых заведомые реакционеры, для которых не существует советской науки, которые не думают об интересах строительства передовой науки и которые в оценке заслуг и достижений советских ученых исходят из старых, прогнивших норм и оценок буржуазной науки. Не будет преувеличением сказать, что на первом этапе выборов новых академиков по Отделению языка и литературы выборы провалены <...> Провал настоящих выборов, если он не будет своевременно исправлен на дальнейших стадиях выборов, угрожает пополнением состава академиков реакционерами в науке. С другой стороны, если сейчас вновь создаваемое Отделение языка и литературы будет пополнено реакционерами и лжеучеными типа профессора ЩЕРБЫ, то оно сразу же будет поставлено на гнилые основы. Каждый новый ЩЕРБА потянет за собою в ближайшем же будущем своих единомышленников; имена их уже сейчас известны. Поддержка развертыванию деятельности ЩЕРБЫ в

роли академика уже сейчас обеспечена его друзьями и сторонниками — АЛЕКСЕЕВЫМ, ЖЕБЕЛЕВЫМ, ЛЯПУНОВЫМ, ЩЕРБАТСКИМ, ОРБЕЛИ и т. д. Новое отделение надо создавать на новых основах. Момент сейчас для этой цели исключительно серьезный. Выкорчевывать старые корни впоследствии будет очень трудно: <они> будут душить собою здоровые ростки.

Исходя из изложенных выше соображений, сейчас необходимо было бы выбрать в состав академиков по Отделению языка и литературы следующих лиц: БАРАННИКОВА (сын рабочего), ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО (член ВКП(б)), ЛУППОЛА (член ВКП(б)), А. Н. ТОЛСТОГО, ШОЛОХОВА (член ВКП(б)) <...>

Если на общем собрании Отделения Общественных наук, которое будет происходить в Москве 20 января, будет предложено избрать только пять академиков из предложенных Экспертной комиссией кандидатов, то, учитывая настоящее соотношение сил, можно почти быть уверенным, что из названного списка кандидатов Экспертной комиссии пройдут только трое: ОБНОРСКИЙ, ШИШМАРЕВ и ЩЕРБА, в крайнем случае, может быть, по тактическим соображениям, БАРАННИКОВ или ЛЕБЕДЕВ-ПОЛЯНСКИЙ.

Для того чтобы добиться желательных результатов выборов, необходимо немедленно заставить ДЕБОРИНА взять в своих выступлениях более четкую партийную линию; заставить его подтянуть МЕЩАНИНОВА, который вообще не годен для этой роли, на которую он посажен в Экспертную комиссию. Если же во имя интересов и пользы дела необходимо было бы быть более решительным, то надо было бы немедленно освободить МЕЩАНИНОВА от дальнейшего председательствования в Экспертной комиссии и заменить его другим лицом, более подходящим к ответственной роли председателя <...>

Левое крыло Экспертной комиссии, настойчиво искавшее каких-либо директивных указаний от руководства выборами, таковых не получило и принуждено было в лице двух академиков при поддержке т. ПЕТРОСЯНА выдерживать ожесточенную атаку со стороны четырех академиков-реакционеров, не уверенное при том в правильности линии своей тактики, т. е. в защите кандидатур членов партии т. т. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО и ЛУППОЛА и писателей ТОЛСТОГО и ШОЛОХОВА, а также в решительном отпарировании кандидатуры ЩЕРБЫ.

Получилось невольное впечатление, что руководство Академии наук самоустранилось от активного участия в выборах и предоставило полную свободу действий заведомым врагам науки и реакционерам».

(Под донесением — треугольная печать: «Управление НКВД по Ленингр. обл. УГБ. 4-й отдел»).

* *

Каковы же результаты этой превентивной акции, целью которой было не допустить в Академию «классово-чуждые элементы»? Тогдашний президент Академии наук В. Л. Комаров в статье «Академия наук к XVIII съезду ВКП(б)» с удовлетворением подвел итоги выборов, состоявшихся в Москве 28—29 января 1939 г., которые «...ярко и убедительно показали, как интенсивно на советской почве, озаренной солнцем Сталинской Конституции, растут молодые кадры передовой науки. Можно считать поэтому, что прошедшие выборы знаменуют собой новый этап в истории Академии наук».[2]

Из «рекомендованных» начальником ленинградской госбезопасности Гоглидзе ученых и писателей — А. П. Баранников (примечательна ремарка в скобках: «сын рабочего»), П. И. Лебедев-Полянский, И. К. Луппол, А. Н. Толстой и М. А. Шолохов — прошли в действительные академики по Отделению языка и литературы четверо. Лебедев-Полянский — старый заслуженный большевик (с 1902 г.), председатель Пролеткульта в 1918—1920 гг., а затем организатор и первый начальник Главлита, избран был только в члены-корреспонденты. Руководил он Главлитом 10 лет (1922—1931 гг.) и снискал себе на этом посту репутацию жесточайшего цензурного держиморды; затем он занимался санкционированными сверху «ревдемократами»; звания полного академика от литературы он удостоился только в 1946 г.[3]

По другим отделениям в 1939 г. академиками были избраны лица, имена которых говорят сами за себя: А. Я. Вышинский, Ем. Ярославский, Т. Д. Лысенко. Тем не менее пожелания «наших славных органов» учтены были не полностью. Из составленного ими «черного списка» (Жирмунский, Шишмарев, Обнорский и Щерба) первые два были все же избраны в Академию, хотя только в звании членов-корреспондентов; удалось «прокатить» Щербу, имя которого, как видно из донесения, вызывало особую ненависть.

Неожиданно для всех «заинтересованных» лиц прошел в академики языковед С. П. Обнорский, который давно был на заметке органов госбезопасности. За 6 лет до выборов, в августе 1933 г., ОГПУ доносило в Смольный, тогда еще С. М. Кирову, о «неблагополучии» в Словарном отделе Института языка и мышления Академии наук СССР. В частности сообщалось: «<...> До 1930 г. во главе Словарной комиссии стоял один из самых реакционных академиков — ИСТРИНА. Опираясь на подобранный ею состав сотрудников из числа своих политических единомышленников, <она> сохранила до 1931 г. старые реакционные традиции словаря, всеми способами стараясь не допустить проникновения в словарь ничего современного, и даже издаваемого по старой орфографии.

Фактически всей работой Словарного отдела руководит ставленник академика Истриной — проф. ОБНОРСКИЙ С. П., ученый секретарь Словарного отдела. Вся продукция Словарного отдела находится под идейным вниманием академика ИСТРИНОЙ и осуществляется ею через контрреволюционную группу, собирающуюся на квартире академика ИСТРИНОЙ». Далее перечисляются имена крупнейших лексикографов, среди них — «ОБНОРСКИЙ Сергей Петрович — типичный буржуазный ученый, формалист и ярый противник яфетической теории Марра... Все члены контрреволюционной группировки ведают подбором постоянных корреспондентов словаря и поддерживают с ними связи. В подборе постоянных кадров члены контрреволюционной группы ориентируются на реакционное крыло научных работников. Оплачиваются эти корреспонденты личными распоряжениями руководителя контрреволюционной группы — ОБНОРСКОГО С. П. при посредстве Ученого секретаря ИЯМа — БАШИНДЖАГЯНА. В прошлом БАШИНДЖАГЯН являлся начальником контрразведки штаба Армии Дашнакской дивизии.

Издаваемый Словарным отделом «Словарь русского языка» используется реакционными языковедами как трибуна против всего современного в языковедении и в особенности против яфетической теории МАРРА Н. Я.».[4]

К делу подключилась ленинградская цензура. В «Отчете Ленгорлита» за июнь 1933 г. (раздел «Оперативная работа последующего контроля») указано, что «...произведено задержание, осуществленное 3 июля, «Словаря русского языка» Академии наук, т. VI, вып. 2, содержащего вульгарное определение слова «марксизм» и неудачные примеры к этому <...> Превалирует материал со ссылками на писателей XVIII—XIX вв.: Сумароков, Кантимир (так! — *А. Б.*), кн. Вяземский, Карамзин, Державин и др. <...>». Начальник ленинградской цензуры Орлов сообщил в Главлит о том, что «здесь на месте приняты необходимые меры к укреплению состава редакторов выдержанными членами партии и даны надлежащие инструкции по специальной линии».[5]

По «специальной линии» ОГПУ создает (по типу «Академического») «Дело славистов», якобы организовавших мифическую «Российскую национальную партию», среди членов которой числился опять-таки и С. П. Обнорский[6] (странно, что комиссар госбезопасности 2-го ранга Гоглидзе не вспомнил об этом факте в 1939 г.). В результате таких нападок многолетняя работа над академическим словарем стала свертываться, а в 1937 г., в связи с обнаруженными «политическими дефектами», вообще прекращена: словарь был оборван посередине алфавита, на букве «О».

Как видно из донесения 1939 г., госбезопасность Ленинграда пыталась расколоть Экспертный совет на два лагеря — «левый» и «правый». В первый, по словам Гоглидзе, «кто-то подкинул тов. Петросяна... хотя и не ученого, но честного партийца, великолепно ориентированного в задачах советской науки». Скорее всего, он был «подкинут» не кем иным, как самим Ждановым, которому непосредственно подчинялось Управление пропаганды и агитации ЦК. Из весьма многочисленных «петросянов», проявивших себя на разнообразных поприщах, этот персонаж, учитывая хронологию событий и особенности его деятельности, более всего похож на некоего А. Петросяна, работавшего в 1939—1940 гг. именно в этом управлении в качестве инструктора. Он был в 1940 г. членом партийной комиссии, обследовавшей издательскую информационную работу ВОКСа (Всесоюзного общества культурных связей). В своем отчете он, в частности, обратил внимание на то, что ВОКС «посылает ежемесячно сотни статей за границу», но не следит за тем, «как используются эти статьи, сколько из них попадают на страницы зарубежной прессы, в каком виде, для каких читателей».[7] К сожалению, нам неизвестна реакция академиков из «правой группы» на появление в Экспертной комиссии человека, неведомого науке, и даже, как следует полагать, участие его в голосовании...

Начальник ленинградского НКВД постоянно называет «махровыми черносотенцами» почтеннейших ученых, которые в дореволюционное время скорее сочувствовали программе либеральной «профессорской» партии кадетов. Он, как говорится, попал пальцем в небо... С бóльшим основанием он мог отнести к «черносотенцам»

как раз «левого» Н. С. Державина. «Еще яснее черты приспособленчества, — свидетельствует мемуарист, которому можно безусловно доверять, — обнаруживались в деятельности Николая Севастьяновича Державина. В прошлом член Союза русского народа, он стал после революции ректором университета, главой группы «левой профессуры», а впоследствии — членом партии. Рассказывали, что когда Державин уволил из Университета аспирантку кафедры русской литературы Никольскую на том основании, что ее отец был видным монархистом, руководитель Никольской В. Н. Перетц послал ректору короткую записку: «Дорогой Николай Севастьянович, какая-то сволочь уволила из Университета Никольскую, дочь Вашего товарища по Союзу русского народа. Надеюсь, что Вы ей поможете...» Никольскую восстановили...»[8] Между прочим, когда за 10 лет до этого, в конце 1928 г., пытались лишить звания академика крупнейшего историка античности, единственного крупного антиковеда, оставшегося в России, Сергея Александровича Жебелёва, именно Державин, один из очень немногих, задавал на обсуждении «подхалимски-погромный тон».[9] Об этом же свидетельствует С. Ф. Ольденбург, говоривший о «подхалимском характере» выступления Державина («такое гнусное забегание вперед перед советской властью лиц, которые при царском режиме были прямо что черносотенцы»).[10] Да, бывают «странные сближения»... А может, и не такие уж странные?..

К «правой» группе, за неимением ничего лучшего (с точки зрения госбезопасности, разумеется), отнесен был и академик Александр Сергеевич Орлов, крупнейший славист-«древник». В нем, судя по воспоминаниям Д. С. Лихачева, всякое было намешано: с течением времени он «страшно изменился», стал «ненавидеть все иностранное», «чрезвычайно высоко ценил свое звание академика и относился к собственному положению с необыкновенным, я бы сказал, артистическим пиететом».[11]

Тогдашняя «Жебелёвская история» вообще имеет прямое отношение к событиям 1939 г. Поводом для нее послужил некролог, посвященный памяти историка искусств академика Я. И. Смирнова, опубликованный в пражском «Семинарии им. Н. П. Кондакова» в конце 1928 г. Достаточно было нескольких фраз Жебелёва (такой, например: «Яков Иванович скончался 10 октября 1918 г., когда у нас началось уже лихолетье...»), чтобы Союз научных работников поставил вопрос об исключении Жебелёва из состава Академии наук. Союз апеллировал при этом к устрашающей 22-й статье нового, принятого в 1927 г., Устава Академии, гласившей, что «действительный член АН лишается своего звания, <...> если его деятельность направлена явным образом во вред Союзу ССР».

В ноябре-декабре 1928 г. редкая советская газета не выходила со статьями, названия которых говорят сами за себя: «Антисоветская работа под флагом науки», «Отпор притаившимся», «Вредителям советского строительства не место в Академии наук» и т. п. С большим трудом Президиум АН в составе академиков А. П. Карпинского, С. Ф. Ольденбурга, А. Ф. Иоффе, А. Е. Ферсмана и И. Ю. Крачковского сумел отстоять Жебелёва, признав, однако, его «выступление неправильным и поставить ему на вид», отметив «недопустимость участия советских ученых, а следовательно, и сотрудников АН ССР в каких-либо эмигрантских изданиях».[12]

Партийная печать ирризнала такое решение «половинчатым» и «мягкотелым», к травле присоединился почитавшийся прекраснодушным и либеральным нарком просвещения А. В. Луначарский. Дальше всех пошел, конечно, присяжный партийный публицист Д. Заславский, выступивший в «Красной газете» (11 дек.) с фельетоном «Влюбленные антропосы», в котором обвинил всех античников в политических симпатиях к русской эмиграции. Он сожалел о том, что «Президиум Академии не пожелал применить к академику Жебелёву статью, карающую за выступление, враждебное советской власти». Запрещение ученым сотрудничать в эмигрантских изданиях повлекло за собой в дальнейшем крайне тяжелые последствия, ибо оно постепенно распространилось и на их участие в *любом* зарубежном научном журнале или сборнике. Постепенно свертывается научный книгообмен, а те иностранные издания (по гуманитарным наукам в особенности), которые все-таки попадали в Союз, как правило, погружаются в библиотечные узилища — «спецхраны». Такой разрыв с мировым научным процессом нанес стране огромнейший вред. Примечательно, что буквально через несколько месяцев после этой истории разразился скандал в связи с публикацией за рубежом романов «Красное дерево» Б. Пильняка и «Мы» Евг. Замятина: оба писателя обвинены в сотрудничестве с «белогвардейскими изданиями». Все эти инциденты не случайно приходятся на рубеж 1929 года — «года великого перелома», означавшего свертывание нэпа и окончательное прекращение каких бы то ни было игр власти с писателями-«попутчиками» и оставшимися на родине крупнейшими учеными-филологами.

Разнузданная кампания борьбы с «жебелёвщиной» в науке (в духе времени появился и такой термин) преследовала и конкретную цель: «свалить» академика, по-

скольку его голос играл не последнюю роль в надвигавшихся выборах в Академию наук, на которые в качестве кандидатов впервые выставлялись коммунисты. 12 января 1929 г. общее собрание «провалило» трех членов партии — философа А. М. Деборина (в дальнейшем, как мы видели из донесения госбезопасности, он стал даже во главе Экспертной комиссии по Отделению общественных наук), литературоведа В. М. Фриче и историка Н. М. Лукина, не набравших необходимых двух третей голосов. Участь Академии висела на волоске... Под давлением партийных инстанций и организованной ими же волны «общественного протеста» Президиум АН вынужден был назначить повторное голосование и ввел этих троих в состав Академии; помимо того, академиками тогда же были избраны коммунисты Д. Б. Рязанов, П. Н. Сакулин и, разумеется, партийные руководители — Н. И. Бухарин и Г. М. Кржижановский.[13]

Тем не менее такая «лояльность» академиков не избавила их от дальнейших гонений, последовавших в начале 30-х годов: они, как говорили в старину, были «оставлены под подозрением»... «Жебелёвская история» стала прологом к печально знаменитому «Академическому делу», или «Делу Платонова—Тарле» 1930 г., к упоминавшимся уже делам «славистов», «словарников», так называемому «кировскому призыву» 1934 г., когда, после убийства Кирова, в Ленинграде была проведена тотальная «зачистка», освободившая несчастный город от «бывших» — преимущественно дворян и интеллигентов.[14]

С этой поры Академия лишается даже видимости относительной автономии и независимости от государства, которыми она все же пользовалась в первое десятилетие советской власти. Процесс ее полного огосударствления, как видно из приведенных выше документов тайной политической полиции, шел поначалу все-таки с большими затруднениями: еще не совсем умерли традиции, еще жили и работали ученые, сохранившие чувство чести и порядочности... Поэтому «наши органы» и были так обеспокоены результатами грядущих выборов в Академию в 1939 г., использовав при этом свои, специфические методы защиты «классовых» интересов. Они стремились вбить клин между академиками, разделив их на «правую» и «левую» группировки, делая ставку на ученых, настроенных наиболее конформистски. Приводя материалы и свидетельства, касающиеся филологов, входящих во вторую из них, автор, разумеется, далек от мысли подвергнуть какому бы то ни было сомнению ценность их научных достижений (это были настоящие ученые!); речь идет исключительно об этической позиции. Да и судить мы их сейчас не вправе, учитывая атмосферу тотального страха, порожденную предшествующими событиями, в особенности прошедшими накануне годами «Большого террора». Как любила повторять в таких случаях Анна Ахматова: «Вас там не стояло».

И все-таки...

Маленький словарик действующих лиц

Алексеев Василий Михайлович (1881—1951) — филолог-китаевед, профессор Петроградского университета (с 1918 г.), академик (с 1929 г.).

Баранников Алексей Петрович (1890—1952) — индолог, профессор, в 1938—1940 гг. — директор Института востоковедения Академии наук СССР, в 1939 г. был избран академиком.

Башинджагян Левон Геворкович (1893—1948) — языковед, один из ближайших сподвижников Н. Я. Марра. Арестован в 1938 г., погиб в ГУЛаге.

Гоглидзе Сергей Арсеньевич (1901—1953) — комиссар госбезопасности 2-го ранга, начальник Управления НКВД Ленинградской обл. в 1936—1941 гг. Расстрелян 23 декабря 1953 г. по так называемому «бериевскому делу».

Деборин (наст. фам. Иоффе) Абрам Моисеевич (1881—1963) — советский философ, академик (1929 г.).

Державин Николай Севастьянович (1877—1953) — филолог, специалист по западноевропейской литературе, академик (1931 г.)

Джамбул Джабаев (1846—1945) — казахский поэт-акын. Почетным академиком все-таки избран не был.

Жебелёв Сергей Александрович (1867—1941) — историк античности, академик (1927 г.), умер от истощения в начале ленинградской блокады.

Истрина Евгения Самсоновна (1883—1957) — языковед, лексикограф, профессор Ленинградского пед. ин-та (с 1935 г.), профессор МГУ (в 1944—1947 гг.). В донесении ошибка: Истрина не была «академиком»; в члены-корреспонденты избрана только в 1943 г.

Жирмунский Виктор Максимович (1891—1971) — филолог, академиком был избран только в 1966 г.

Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — филолог-арабист, академик (1921 г.).

Лебедев-Полянский Павел Иванович (1881—1948) — марксистский критик и литературовед, первый начальник Главлита (1922—1931).

Луппол Иван Капитонович (1896—1943) — философ и литературовед, академик (1939 г.). Арестован в конце 1941 г. и приговорен к расстрелу, замененному заключением на 10 лет. Погиб в лагере в 1943 г.

Ляпунов Борис Михайлович (1862—1943) — языковед-славист, академик (1923 г.).

Мещанинов Иван Иванович (1883—1967) — языковед и археолог, академик (1932 г.).

Обнорский Сергей Петрович (1888—1962) — языковед, академик (1939 г.).

Орбели Иосиф Абгарович (1887—1961) — востоковед, академик (1935), директор Эрмитажа (1934—1951).

Орлов Александр Сергеевич (1871—1947) — литературовед, академик (1931 г.).

Петросян А. — инструктор Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в 1930—1940-е годы.

Пиксанов Николай Кирьянович (1878—1969) — литературовед, член-корреспондент АН СССР (1931 г.).

Толстой Алексей Николаевич (1882—1945) — писатель, академик (1939 г.).

Ушаков Дмитрий Николаевич (1873—1942) — языковед, в 1939 г. утвержден в звании только члена-корреспондента АН СССР.

Шишмарев Владимир Федорович (1874—1957) — филолог, академик (1946 г.).

Шолохов Михаил Александрович (1905—1984) — писатель, академик (1939 г.).

Щерба Лев Владимирович (1880—1944) — языковед, член-корреспондент АН СССР (1924 г.), академиком был избран только в 1943 г., за год до смерти.

Щербатской (а не Щербатский, как указано в донесении) Федор Ипполитович (1866—1942) — индолог и буддолог, академик (1918 г.).

Примечания

[1] Центр. Гос. архив историко-политических документов (ЦГА ИПД), бывший Ленинградский партархив. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 3547. Лл. 56—74.

[2] Вестник Академии наук. 1939, № 2—3. С. 32.

[3] Подробнее о его деятельности на этом посту см. в нашей книге «За кулисами „Министерства правды". Тайная история советской цензуры. 1917—1929» (СПб., 1994).

[4] ЦГА ИПД. Ф. 24. Оп. 2-в. Д. 850. Лл. 18—22.

[5] ЦГАЛИ СПб. Ф. 281. Оп. 1. Д. 45. Лл. 1—3.

[6] См. об этом: Ашнина Ф. Д., Алпатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы. М., 1994.

[7] ВОКС в 1930—1940-е годы. Публикация А. В. Голубева и В. А. Невежина // Минувшее. Т. 14. 1993. С. 351—352.

[8] Копржива-Лурье Б. Я. История одной жизни. Paris, Athenaeum, 1987. С. 116. Автором книги на самом деле является один из крупнейших историков русского средневековья Яков Соломонович Лурье (1921—1996), выпустивший ее в Париже под именем своей сестры. См.: Лурье Я. С. Россия древняя и новая (Избранное). СПб., 1999. С. 9.

[9] См.: Перченок Ф. Ф. Академия наук на великом «переломе» // Звенья. Т. 1. М., 1991. С. 184.

[10] Цит. по статье, подробно излагающей «жебелёвскую» историю: Тункина И. В. «Дело» академика Жебелёва // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Т. II. СПб., 2000. С. 123.

[11] Лихачев Д. С. Избранное. Воспоминания. СПб., 1997, С. 548.

[12] Тункина И. В. Указ. соч. С. 130.

[13] Подробнее см. указ. выше статью И. В. Тункиной. См. также: Перченок Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы: репрессированные ученые АН СССР, М., 1995. С. 201—252; Каганович Б. С. Начало трагедии. Академия в 1920-е годы по материалам архива С. Ф. Ольденбурга // Звезда. 1994, № 12.

[14] См., помимо указ. выше литературы: Академическое дело 1929—1931 гг. Сборник документов. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993; Алпатов В. М. История одного мифа: Марр и марризм. М., 1991; Куманев В. А. 1930-е в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991.

Б. М. ФИРСОВ

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В КОНЦЕ XX века

Венгерский социолог И. Зеленьи показал, что длительный спор анархистов с К. Марксом был одновременно первой попыткой поставить вопрос о роли интеллектуалов в рабочем движении и борьбе за социализм [1]. Например, М. Бакунин утверждал, что сложность управления государством и экономикой неизбежно приведет к власти ученых и интеллектуалов [1, с. 20]. Уже тогда виделось, что интеллектуалы вовсе не обречены на вечную роль выразителей мнений пролетариата. Напротив, они могут и будут преследовать собственные интересы.

Технократические классовые теории первой половины XX века возвели во власть технократическую бюрократию. Согласно этим теориям, СССР считали государством бюрократического коллективизма, где власть принадлежала, конечно же, не трудящимся, а классу бюрократии, истинному распорядителю и хозяину всенародной собственности (социализм на базе государственно-партийной монополии). Немного позже американский экономист Д. Гэлбрайт заявил об особой роли инженеров в новом индустриальном государстве. Следом за ним, уже в 1970-е гг., Д. Белл [2] объявил о наступлении эпохи постиндустриального общества, доказывая, что в таком общественном устройстве власть будет принадлежать ученым. Д. Белл особо подчеркнул полную зависимость экономического роста от научно-технических знаний.

Универсальное понимание высокообразованных людей как «нового класса» в постиндустриальную эру предложил О. Гоулднер [3],[4]. По его мнению, левореволюционная и радикальная интеллигенция вместе с технократами могла при определенных условиях стать самостоятельной исторической силой. Средством для достижения этой цели выступала **культура критического дискурса** — знания, которыми обладают высокообразованные люди, способность утверждать свои принципы, критически анализируя реальность, — тот культурный капитал, который позволяет узурпировать власть, отобрать ее от прежних владельцев, будь то закостеневшие партбюрократы (в странах социализма) или частные собственники, владельцы денежного капитала (в капиталистических странах) [4, р.19]. Отсюда и миссия гоулднеровского «нового класса» — замена власти денег властью доверительного отношения общества к технике, науке, культуре и образованию; создание на этой основе обновленных форм существования интеллектуальных элит.

Объективности ради отметим, что в книге «The Intellectuals on the Road to Class Power» («Интеллектуалы как класс — на пути к власти»), написанной за пять лет до провозглашения «нового класса», но опубликованной по цензурным соображениям

Борис Максимович Фирсов (род. в 1929 г.) — доктор философских наук, ректор Европейского университета в Санкт-Петербурге, автор книг: «Телевидение глазами социолога» (М. 1972); «Связь времен: девять сюжетов о прошлом, настоящем и будущем» (СПб., 1997) и др. Живет в С.-Петербурге.

значительно позже, И. Зеленьи и Д. Конрад более трезво, чем Гоулднер, оценивали шансы интеллектуалов социалистических государств прийти к власти [5]. Они рассматривали их как общественную силу, которая обладала монополией на производство «телеологического знания» (телеология — учение о целях и целесообразности), что позволяло ей претендовать на деятельное участие в судьбах государства и общества. Партбюрократия не могла этому сопротивляться и нашла выход в добровольной ассимиляции с частью интеллигенции. До союза со всей интеллигенцией здесь было далеко, но слияние с технократами высокой пробы шло довольно быстро. Существенно, что при этом заметно понизилась роль такого фактора, как партийность. В той же Венгрии позиции, связанные с принятием решений, стали занимать беспартийные и даже оппозиционно настроенные люди. Интеллектуализация бюрократии, начавшаяся в 1970-х гг., постепенно растворяла кадровую номенклатуру и дробила монолит партийной гегемонии. Одновременно наблюдалось заметное перетекание кадровой элиты в протоплазму интеллектуальных слоев. Причина этих исторически неизбежных уступок и изменений во многом связывается с «подрывным» характером телеологического знания. Его синонимом И. Зеленьи и Д. Конрад считали оппозиционную культуру, по своему смыслу близкую к культуре критического дискурса в гоулднеровском понимании.

Реальные события в жизни социалистических стран в конце 80-х гг. показали, что «подрывных» потенций этой культуры хватило лишь на то, чтобы сделать заявку на власть — значительно ограничить всесилие бюрократии и заставить ее принять новые правила игры после того, как в глазах образованной прослойки общества идея социализма с человеческим лицом потерпела едва ли не полное фиаско. Но сделать заявку на власть не значило прийти к власти. Впрочем, и теперь, а не только в конце XX века, когда все еще продолжает деградировать старая бюрократия, а нарождающиеся собственники набирают силу, представители образованных слоев повысили свои шансы стать кандидатами в правящую элиту, но изменить к лучшему общие социально-политические условия для того, чтобы занять ключевые позиции в системе реальной власти, они не сумели [6, р. 341—342]. Мы по-прежнему лучше знаем то, что оставляем позади, нежели то, что ожидает нас в предвидимом будущем, писал И. Зеленьи. Экономика бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы представляет собой смесь разных укладов. Вместо партий существуют протопартии и движения. Кристаллизация политических и экономических структур еще не закончилась. Эра гуманного капитализма, который должен был заменить социализм с человеческим лицом, не возникла. Власть государства ослабла. Затянувшийся переходный период по-прежнему содержит в себе предпосылки для развития по нескольким направлениям [1, р. 30]. Одно из направлений — прокладывание путей к капитализму; второе — приход к власти необюрократии; третье — дорога к господству международного капитала, если будут упущены все шансы, которые дало свержение старых коммунистических режимов. Сегодня, когда правящие бюрократы делят властные функции и полномочия с грядущим классом собственников, социальная роль наиболее подготовленных представителей образованных классов ограничивается хотя и важной, но далеко не первостепенной ролью посредника в напряженном драматическом диалоге основных противоборствующих сил [6, р. 353—355].

Как свидетельствует теперь уже не венгерский, а российский опыт, поведение всех видов элит в переходный период в значительной мере определено тем, с какой скоростью и с какими издержками происходит процесс конверсии интеллигенции в интеллектуалов. Из названных слоев общества постоянно отбираются новобранцы, рекруты для пополнения элитных групп общества. Поэтому «сгусток» отношений интеллигенции, интеллектуалов и элит нельзя понять без представлений о том, что именно происходит с российской интеллигенцией и российскими интеллектуадами.

В одной из своих работ З. Бауман писал об оригинальном способе измерения перехода от консерватизма к либерализму. Изготавливались 20 рисунков. Первый рисунок изображал пса, двадцатый — кота. На остальных пес постепенно утрачивал свои генетические черты, неуклонно приближаясь к коту. Рисунки предъявляли испытуемому, отмечая меру его упорства, но фиксируя момент, когда он начинал колебаться и приходить к мысли, что пес наконец-то начал превращаться в кота [7, с. 69]. По аналогии с этим примером выдвинем следующий тезис: Конверсия интеллигенции в интеллектуалов зависит от целого ряда внешних условий, и прежде всего от

высоких гарантий независимости интеллектуалов от государства. Эти гарантии тем выше, чем большей властью обладает капитал произведенного интеллектуалами знания. Следующее условие: профессионализм и сознательный отказ от чисто просветительских и воспитательных функций по отношению к «незрелому» народу [8, с. 213]. Наконец, важна материальная возможность существовать за счет интеллектуального труда в качестве самодеятельного работника. Здесь надежды связываются с появлением среди состоятельной части общества определенной культурной аудитории, к которой интеллектуалы могли бы апеллировать и в среде которой могли бы находить необходимую моральную и материальную поддержку; а также с наличием развитых систем коммуникации, которые могли бы обеспечить животворный обмен научными результатами и мнениями, охватывающий при необходимости все элементы социума [9, с. 361].

Напомним, что термин «интеллигенция» обрел прописку в России в 60-е гг. XIX века [10]. Представление о ней изначально было своеобразным синонимом коллективной совести и просветительства. Впоследствии концепт интеллигенции стали связывать с критицизмом. Интеллигенция понималась как относительно сплоченная группа интеллектуально развитых людей, объединенных общей оппозиционностью по отношению к истеблишменту, власти. Интеллигент — человек высокой идеи, посвятивший себя заботам об общем деле, служению правде, истине, справедливости. Существует давняя традиция считать интеллигенцию исключительно русским феноменом. Макс Вебер писал на заре века, что данное понятие неприемлемо для западных стран, «это ситуация в самой России» [11, с. 244]. Однако время показало, что интеллигенция должна существовать во всех модернизирующихся обществах, если смотреть на нее как на определенный ресурс модернизации (наставник, поводырь, учитель непросвещенной массы).

Слово «интеллектуалы» вошло в словарь французского языка в 90-е гг. XIX века. Понятие «интеллектуалы» определено профессиональным составом, они практически не спаяны между собой. Поэтому не единство станет предпосылкой их появления. Бесспорно, что интеллектуалы определяют процесс производства идей. Они могут быть в разных фазах отношений с обществом (отчуждение от него, отстранение, заинтересованный или конструктивный критицизм, когда критика становится нормой поведения; допускается также, что поведение интеллектуала может нести на себе следы политической или социальной ангажированности). Главный вопрос видится в том, какие концептуальные здания воздвигались на фундаментах этих определений.

Миф об интеллигенции лежит в основе советской (во многом также российской) концепции развития образованных классов. Конструирование интеллигентского мифа начинается в послесталинскую эпоху. Именно тогда интеллигенция сталинской эпохи совершила не отмоленный грех — открыто отождествила себя с дореволюционной интеллигенцией, которая была первой и последней волной российских интеллигентов, олицетворявших духовность и на деле воплощавших противостояние царской власти. *Но эта «нестыковка» не помешала мифу, согласно которому интеллигенция всегда боролась с властью. Правда, она слишком увлекалась революционными идеями и создала авангардное искусство 1920-х годов, но грубая сталинская власть начала преследования, в ответ на которые интеллигенция продолжала производить бессмертные духовные ценности. Хрущевская оттепель была для нее неожиданным подарком. Наступил сначала ренессанс духовности, который сменился попытками возродить культ личности Сталина. Но интеллигенция встала на защиту завоеваний десталинизации, породила диссидентское движение. Она дождалась перестройки, вступила, наконец, в прямой диалог с народом, вместе с ним разломала коммунистический режим, но плоды этой победы захватили другие, жадные до власти слои. Общество опять утратило духовность, и идеи интеллигенции остались невостребованными. Поэтому интеллигенция оказалась на грани вымирания* [12, с. 50—52]. В реальности была прародительница, состоявшая из образованных и полуобразованных слоев дореволюционного общества. Но она никого не рожала, потому что ее лишили детородных возможностей [12, с. 51].

Интеллигенция советского периода появилась на рубеже 1920—1930-х гг. в качестве искусственно созданного слоя (выдвиженцы, партийный аппарат и т.д.), который официально рассматривался как альтернатива старой и, конечно же, насквозь буржуазной русской интеллигенции. Журнал «Неприкосновенный запас» приводит

интереснейшую выдержку из Толкового словаря русского языка (под ред. Ушакова), издание 1935 г. Согласно словарю, интеллигентом тогда назывался человек, социальное поведение которого характеризовалось безволием, колебаниями, сомнениями. В словаре содержался намек, что в обиходе, в повседневном употреблении слово «интеллигент» могло звучать как презрительная кличка. И, дабы убедить читателя в возможности такого толкования слова, редактор (кстати, тоже интеллигент!) приводил ленинское высказывание: «Вот она, психология российского интеллигента: на словах он храбрый радикал, на деле он подленький чиновник» [12, с. 51]. Отсюда естественным делом партии было избавить новую интеллигенцию от старых болезней. Для этого ее держали на коротком поводке. После Сталина поводок остался. Длина его не изменилась, но зато он стал мягким. Противостояние было исключено, а послушание по-прежнему ценилось более всего. В итоге как минимум три поколения делали в основном не то, что надо было, и не так, как надо было, израсходовали впустую массу сил, потеряли миллионы жизней и в конце концов надорвались. Здание, которое потом с таким грохотом обвалилось на наших глазах, никогда не могло быть построено без участия советской интеллигенции [13, с. 40].

В начале века Россия имела шанс стать жизнеспособным, цивилизованным обществом. Вместо этого она насильственно была перемещена на дорогу, ведущую в коммунистический рай. Подсчеты, выполненные русским социологом Н. Тимашевым в середине 1940-х гг. [14, р. 373—402], указывают на следующее. Баланс успехов и достижений в различных сферах, включая образование, просвещение (грамотность), здравоохранение, социальное страхование и др., показывает, что революция была абсолютно не нужной. И без громадных жертв и потерь, которыми сопровождалось развитие России после октября 1917 г., страна во многих отношениях превзошла бы показатели экономического и социального развития, которые приписывались исключительно практике социалистического строительства. Успехи строительства социализма, если они и имели место, были во многом результатом прогресса дореволюционного периода. Можно сказать, что революция является самой дорогостоящей технологией социальных изменений [14, р. 396]. Более того, стоимость русской революции не имеет прецедентов. Возможно, эта высокая цена имела бы некоторое историческое оправдание, если бы целью революции было осознание отсталости страны и способов ее преодоления. Но в основе октябрьского переворота лежал «социальный план» создать совершенно новое общество. Ортодоксальная марксистская теория не опиралась в своей основе на план построения социалистического общества, поэтому конкретные шаги приходилось совершать на основе постоянных заимствований (например, равняться на экономику Германии в пору Первой мировой войны, использовать идею планирования, невзирая на буржуазное происхождение ее авторов, и т.д.). Правда, были и изобретения — однопартийная система, рудиментарное представительство рабочих (трудящихся) в советах, двухсекторная экономика НЭП'а, управляемая сверху культура, удушение религии, социалистическое соревнование. В годы перестройки и в период реформ, которые последовали вслед за перестройкой, интеллигенция, отдадим ей должное, была в числе тех, кто энергично вел демонтаж отжившей системы, однако и здесь она не получила всего, что ожидала.

Вопрос об элите довольно долго обходился молчанием. Настолько велика была сила и власть мифа об интеллигенции, прочно укрепившегося в массовом сознании. Вплоть до 1970-х гг. элиты как бы не было, и потому о ней нельзя было говорить как о естественной части советской интеллигенции. Четырехтомный словарь русского языка (изданный в 1961 г.) авторитетно рекомендовал советским читателям относить к элите лучшие экземпляры каких-либо растений, особо ценных племенных животных или семена культурных растений, выпускаемые селекционерами. «Нет слова, нет и вещи», — писал по этому поводу профессор В. Живов [12, с. 50]. И все же слово «вкралось» в язык, но незаметно. В 1972 г. словарь под редакцией Ожегова (это было девятое издание!) поведал народу благую весть о том, что отныне под словом «элита» мыслятся не только элитные растения или элитные виды домашних животных, но и «лучшие представители какой- либо части общества». В качестве языковой иллюстрации, помогающей понять новый, разрешенный сверху, смысл слова, предлагалось выражение — «элита рабочего класса».

Не секрет, что к тому времени в социальной структуре четко обозначились, с одной стороны, партийно-государственная элита и наряду с нею — элита, рекрутиро-

ванная из разных слоев культурной, художественной, научной, инженерно-технической интеллигенции. Партия и государство их заботливо прикармливали с помощью системы льготного распределения дефицитных материальных и социальных благ [10, с. 26]. Партийно-государственная элита хотела равенства, но не с народом, а с той интеллектуальной элитой, которая жила самостоятельно, окутанная особой аурой, тем более притягательной, чем недоступнее она рисовалась сознанию не только рядового человека, но и представителей партийно-государственной номенклатуры [12, с. 55]. Поэтому, невзирая на известные служебные привилегии, номенклатура стремилась утвердить это равенство через престижное потребление культурного дефицита, который к этому времени утратил былую зависимость от власти. Номенклатурной элите нужно было получить ощущение жизни, которое отличало многих звезд отечественной науки и культуры. Книги Солженицына ходили не только по рукам интеллигенции. При издательстве «Прогресс» была создана специальная редакция, которая с грифом «Секретно» и «Для служебного пользования» за счет государственной казны переиздавала книги писателя-диссидента и рассылала их по списку карьерным бюрократам самого высокого ранга, повышая их культурный кругозор, а заодно и членов их семей. Председатель Радиокомитета С. Лапин в конце 1940-х гг. был одним из главных борцов с низкопоклонством перед Западом и космополитизмом. С его ведома был арестован и исключен из партии отец известного историка Н. Эйдельмана только за то, что во время трансляции пьесы А. Софронова «Московский характер» он выдернул шнур из розетки со словами: «Это не Чехов». В 1960-е гг. тот же всесильный Лапин (теперь он занимал пост председателя Гостелерадио СССР) прославился своей библиотекой, где были идеально представлены не только опальные поэты, но и сочинения литераторов-диссидентов [15, с. 161].

Замечено, что с начала 1990-х гг. стало едва ли не общеупотребительным высказывание: «Партийная номенклатура обменяла власть на собственность». Стараниями российского социолога О. Шкаратана [16] показано, что это неверно в принципе. В действительности номенклатура скрытым путем двигалась к радикальным переменам, прежде всего в сфере распределения собственности. Обладая громадной властью и построенными на ней привилегиями, она не владела частной собственностью. Здесь полезно напомнить одно забытое высказывание Л. Троцкого: «Привилегии имеют лишь половину цены, если их нельзя оставить в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы ее превращение в новый имущественный класс» [17, с. 114]. Так еще много десятилетий назад частную собственность связали с таким безусловным и сильно действующим инстинктом, каким в реальности является родительский инстинкт. Наследуемость собственности подчеркивал и немецкий социолог Карл Маннгейм. Ограничения в этой области давно стремилась снять номенклатура, на что еще пророчески указывал в своей знаменитой книге «Номенклатура» М. Восленский. В мои цели не входит подробно описывать процессы зарождения «квазичастной» собственности в 1950—1980-е гг. В реформах номенклатура увидела едва ли не исторический шанс решить проблемы приватизации собственности, но, естественно, предпочитала об этом не говорить, а делать, умело спрятавшись до поры до времени в тени и дожидаясь часа, когда в ее руках окажутся и власть, и собственность. По этой причине номенклатура поддержала реформы и, более того, по понятным причинам приписала их обществу (народу и интеллигенции). Создатели мифа об интеллигенции вновь могли отмечать победу. Миф восторжествовал — интеллигенция и народ победили, демократия начала давать первые ростки. Но еще более крупную победу могла отмечать коммунистическая элита. Ей удалось создать атмосферу **смены исторического курса**: сохранить механизм социальной преемственности власти и одновременно осуществить передел государственной собственности в свою пользу. Теперь уже можно было выйти из тени и дать понять, что сохранившаяся власть по примеру прожитых лет никак не нуждается ни в равенстве, ни в братстве. Более того, коммунистической элите не надо было стремиться к культурному или интеллектуальному равноправию с интеллигенцией. История повторилась. Какую-то часть интеллигенции взяли «на кормление», а остальных оставили на ветрах перемен. Не потому ли так ущербен интеллигентский дискурс?

В реальности происходит постепенная и очень болезненная смена моделей отношений интеллигенции и общества. Полное воплощение эти модели получили лишь в

истории Китая [18], но ничто не мешает воспользоваться ими как метафорами, поясняющими суть проблем, связанных с конверсией интеллигентов в интеллектуалов. В рамках **«конфуцианской»** модели интеллектуал сыт, прикормлен, находится на общественном содержании и причастен в определенной мере к принятию решений. В обмен на это он служит обществу, является частью административно-бюрократического аппарата. Такая модель была реализована в средневековом Китае, где чиновничий аппарат, как правило, совпадал с классически образованным классом. «Конфуцианской» моделью (с некоторыми оговорками и ограничениями) пользовались США, другие развитые страны. Очень близко к этой модели подошел Советский Союз.

В рамках **«даосской»** модели, представитель образованного класса не получает целенаправленной поддержки общества, его связи с обществом случайны и уж во всяком случае не имеют никакого отношения к избранному им самим статусу «интеллектуала». Как следствие, для физического выживания этот интеллектуал должен обращаться к побочным заработкам, к помощи частных лиц (меценатов). Ради выживания такие автономные интеллектуалы могут прибегать к социальной самоорганизации, объединяясь на основе замкнутых сообществ или коммун (например, даосские или дзен-буддистские монастыри). Интеллектуал в подобных случаях живет исключительно на свой страх и риск, поскольку находится по ту сторону общественного добра и зла.

Так вот, кажется, что ранее господствовавшая у нас «конфуцианская» модель заменяется элементами «даосской». В любом случае экономический, да и социально-политический контекст функционирования науки как важнейшего института общества радикально изменился, вследствие чего научное сообщество оказалось как бы подвешенным в образовавшемся социальном вакууме, брошенным на произвол судьбы. По ряду признаков положение выглядит близким к состоянию социальной катастрофы. С такой силой действует фактор невостребованности интеллектуального потенциала науки, образования, культуры со стороны реформируемого общества и государства, о существовании которого мы не могли догадываться еще каких-то 10—12 лет назад.

Но есть и другая точка зрения, которая не игнорирует реальные трудности, но призывает увидеть шанс на спасение. Наша многострадальная страна (теперь я говорю, прежде всего, о России) является не только социальным пространством, где имеет место очередной и неизбежный для ее судьбы катаклизм, но и строительным полигоном современной истории, где живут и трудятся люди, чья ментальность позволяет встать над обстоятельствами и подчинить их себе. По всей видимости, в природе существует явление, которое можно было бы назвать «инстинктом самосохранения больших общностей» (Я. Гордин). В основе этого инстинкта лежит их генетическая способность сопротивляться любым попыткам заставить социум двигаться неестественным, неорганичным путем. «Даосская» модель вещь серьезная. Здесь человек интеллектуального труда вынужден принять за аксиому, что общество пренебрегает им, но взамен этого он получает духовную свободу. Именно духовную свободу, а не судьбу буддийского монаха я вычленяю из «даосской» модели, и тогда открывается сквозь хаос беспредела и разборок некий альтернативный путь: «Интеллектуал на некоторое время оказался без навязчивой опеки социума и получил маленькую, но вполне реальную возможность найти такие формы существования, которые больше соответствуют его природе и которые станут ему опорой в будущем, когда социум вновь призовет его к сотрудничеству» [18, с. 20]. Это обязательно произойдет. Но тогда, когда это случится, уже интеллектуал будет диктовать условия для возрождаемого партнерства.

Здесь, по провидческому замечанию английского историка А. Тойнби, действует модель Ухода и Возврата: «Творческая личность, уходя и выпадая из своего социального окружения, преображается, возвращается затем в то же самое окружение; возвращается, наделенная новыми способностями и творческими силами. Уход позволяет личности реализовать свои потенции, которые не могли бы найти выражения, подавленные прессом социальных обязательств, неизбежных в обществе» [19, с. 267]. Духовная свобода, суверенность становятся главным в жизни интеллектуалов. Оговорюсь специально, что я не отождествляю эту духовную свободу с эскапизмом и самоизоляцией. Речь идет о нравственной дилемме. Интеллектуал может быть аутсайдером или человеком, отстраненным от реальности, но при этом он будет гово-

рить власти правду. Его сознание может быть наполнено скепсисом, но останется неослабно и постоянно связанным с рациональным исследованием и моральными суждениями [20]. Борис Пастернак был писателем, и в этом случае язык являлся его политической ареной. Его щепетильность к языку парадоксально, но против воли помещала его в центр событий. Роман «Доктор Живаго» сделал его диссидентом из диссидентов! Конечно, он балансировал и даже иной раз тяготился званием советского художника. Но для него не было дилеммы «говорить или не говорить» («to speak or not to speak»). Речь, скорее всего, шла о том, каким языком говорить — языком честности или твердить скороговоркой санкционированные клише и пошлости [20, с. 100]. Он осмеливался говорить истинным и уникальным языком. В 1935 году Пастернаку было приказано ехать в Париж на конгресс в защиту культуры. Он сказал абсолютно противоположное тому, что от него ждали: **«Я понимаю, что есть конгресс писателей, собравшихся, чтобы организовать сопротивление фашизму. Я могу вам сказать по этому поводу только одно. Не организуйтесь! Организация — это смерть искусства. Важна только личная независимость»** [21, с. 883].

О лингвистической победе российской интеллигенции. Этот термин принадлежит И. Зеленьи и Д. Конраду [6]. Когда стране во второй половине 1980-х гг. настало время плыть к другим берегам, то следовало проложить маршрут этого плавания. Такая задача была не по силам партийному руководству страны. Отсюда и звездный час советской интеллигенции, о котором весьма образно писал А. Уткин в «Независимой газете» [22, с. 3]. Историк напомнил важные вещи, о которых стоит сказать подробнее. Хрущев был не прочь почитать тексты, написанные мудрым венгром, советским академиком Варгой. Брежнев неустанно расширял институт консультантов и советников. Андропов мог обсудить проблему с подвернувшимся под руку советником, но только Горбачев, оценим это по достоинству, привел «прослойку» на капитанский мостик советского корабля, развернул карту, ткнул пальцем и спросил: «Куда плыть?» Историки предложили убедительную, с моей точки зрения, картину всего, что последовало затем. Три императива определили ответ на поставленный «капитаном Горбачевым» вопрос. *Императив первый* — как можно скорее прийти в точку необратимости. Речь шла в данном случае о том, чтобы заплатить любую цену за более гуманный общественный порядок. Программу-максимум тогда мало кто мог представить, но программа-минимум состояла в том, чтобы добиться необратимости гуманистической эволюции правящей верхушки. *Второй императив* — «Мы должны стать нормальной страной». Правда, здесь произошла подмена. Устремление к «нормальности» происходило без опоры на опыт исторического прошлого страны и критический анализ. Еще важнее, но об этом стали говорить только сейчас, после того как улеглись перестроечные страсти: при этом не обращали внимания на крутую ломку ментального стереотипа огромного народа. *Третий императив* — слепая, отчаянная вера в существование чего-то большего, чем здравый смысл. Дело не ограничилось публичным отречением от марксистской доктрины, которая до середины 1980-х гг. составляла суть слепой коммунистической веры. Предав анафеме эту доктрину Маркса, а заодно и марксизм в целом, интеллигенты обратились к всемогущему богу «свободного рынка»: «Рынок, мол, все расставит по своим местам, вознаградит труд и умение, накажет ленивого. Он сокрушит вековое стремление Центра все и вся поставить под контроль, бросит вызов сонной провинции, встряхнет людей...» Период 1988—1991 гг. А. Уткин образно назвал «сюрреалистическим трехлетием», когда все прежде невозможное стало казаться достижимым если не завтра, то через месяц-другой, или за 500 дней, или до ближайшей осени. Кризис закономерен, как и расплата за долгие десятилетия трагических ошибок — кровь, насилие, террор, деспотизм, агрессивная идеология, стремившаяся сделать весь мир «счастливым» [13, с. 40—41].

Все это верно, как и то, что многие серьезные планы реформирования общества не предлагались в комплекте с **гуманными путями и средствами** для достижения целей. При осуществлении реформ в России никогда не ставился вопрос о Доброте, о чем много в свое время писал выдающийся русский социолог Питирим Сорокин. В то время как Доброта к человеку и человечеству только и может положить конец всем видам агрессии и умиротворить конфликты. Оттолкнувшись от сорокинского альтруизма, от его возвышенных идей неэгоистической творческой любви, можно обнаружить острейший дефицит этого альтруизма в практике осуществления российских реформ. Иначе нельзя объяснить тот факт, что реформаторам и их советникам никогда не хватало политической гибкости, умения маневрировать, а проще говоря, элементарной человеческой порядочности в отношениях с народом реформируемой страны. А ведь любовь к народу всегда была на знаменах советской и русской интеллигенции [23, с. 324—331].

Обратной стороной этой медали была победа культуры критического дискурса, если пользоваться терминологией О. Гоулднера. В результате этой победы были реабилитированы рынок, инакомыслие, диссидентство, картина общества как изменяющегося стала привычной. Кадровая элита потеряла язык, она онемела [6, с. 352]. На другое, быть может, еще более важное последствие одержанной победы указал прозорливый М. Фуко. Кризис никогда не бывает чем-то внешним, несвязанным, полностью независимым от критического дискурса. Последний не только отражает кризис, но также создает его. Акцент на развенчании старой власти не укрепил позиции новых политических сил. Массовое сознание, оставшись без анализа ошибок пройденного пути, сначала оказалось в состоянии дезориентированности, а затем повернуло в сторону знакомого прошлого. В силу сказанного многие российские специалисты-обществоведы считают лингвистическую победу, победу гласности, пирровой. Это справедливо, как справедливо и то, что жертвы и потери могли быть существенно меньше, если бы не вирус болезни самоистребления, занесенный российскими интеллигентами в общественный организм еще в начале этого века.

Итак, советские и постсоветские интеллигенты в своей массе не стали интеллектуалами. Предлагая этот вывод, я исхожу из двух целей. Первая цель — связать вполне определенный комплекс социальных надежд, которые все чаще и чаще мировое научное сознание связывает с современными представлениями об интеллектуализме как ведущей черте современной цивилизации и интеллектуалах, которые в идеале являются носителями этой черты. Цель вторая — понять, почему западная модель интеллектуалов при попытках ее переноса (пересадки, трансплантации) в российский социум в силу культурных различий подвергается определенной трансформации, что в итоге делает интеллигенцию непохожей на западную интеллектуальную элиту [24, с. 127—128].

Несколько наблюдений подчеркнут искажения этого транскультурного перевода. *Наблюдение первое* относится к началу века и принадлежит лидеру российского либерализма П. Струве: «Русская интеллигенция, как особая культурная категория, есть порождение взаимодействия западного социализма с особенными условиями нашего культурного, экономического и политического развития. До рецепции социализма в России русской интеллигенции не существовало, был только «образованный класс» и разные в нем направления» [25, с. 173]. Внутреннее побуждение быть, прежде всего, социалистом взяло верх над органической потребностью образованного человека путем проб и ошибок приходить к пониманию социальной реальности, преодолевая при этом возможное влияние классовых привязанностей и симпатий. Гипертрофия оппозиционности и революционности сформировала сдвинутое сознание интеллигенции. Она должна была оставаться культурной элитой и никогда не входить в элиту социальную. Здесь будет нелишне напомнить, что уже Мандельштам в первые годы советской власти не гордился, а тяготился интеллигентской оппозиционностью [26, с. 25] и считал для интеллигента наиболее естественной только роль хранителя и распорядителя культуры при покровительственной власти, надеясь, что оппозиционные обязанности интеллигенции наконец-то ушли в прошлое вместе с царским режимом. Будучи более образованной, более динамичной, интеллигенция могла бы играть особую сдерживающую роль в моменты, когда общество оказывалось в критических ситуациях. Говоря иначе, не борьба одних против других на баррикадах, а разведка, поиск решений по разным направлениям, гуманные эксперименты должны были стать программным видом деятельности интеллигенции, конвертирующейся в интеллектуалов. Возможно, что в этом случае удалось бы отказаться от революций как единственного способа решения проблем общества. Полезно вспомнить кем-то оброненную фразу: «Величайшим событием XIX века была пролетарская революция, которая не произошла в Англии» [26, с. 27].

Наблюдение второе сделано уже в наши дни. Наблюдая за Россией со стороны, вглядываясь в особенности советской интеллигенции, ее роли в судьбах советского (современного российского) общества, Умберто Эко не так давно (1998 г.) заметил

на страницах нашей «Литературной газеты»: «Русское слово «интеллигенция» привилось в европейских языках. Но оно используется для обозначения категории людей, по-французски называемой maitres a penser. Мэтры общественного мнения... Это слово употребляется иронически. В отношении тех, кто беспрерывно вылезает с поучениями. Поэтому русское понятие «интеллигенция» не подходит под европейский термин «intellighenzia». И вообще от наших интеллигентов до ваших интеллигентов — большая дистанция».

Мы не измеряли эту дистанцию, но можем сказать, что упрямое морализаторство, нетерпимость к чужому мнению указывают на дефицит собственных мыслей. Такое сознание воспроизводит клише и в лучшем случае аморфные массовые представления вместо того, чтобы вырабатывать новые цели и ценности. Подкреплю это ссылкой на суждение интеллектуала — академика Никиты Моисеева, находившегося в оппозиции к «полуинтеллигентам»: «Молодое правительство Гайдара было укомплектовано людьми более образованными, чем прежде, но все-таки полуобразованными и недостаточно компетентными... Они не получили фундаментального университетского образования. Они получили отвратительное экономическое и советское общественное образование» [27, с. 155].

Крах советской системы был предопределен деградацией верхнего эшелона власти. Хотя правы и те, кто считает, что крах возник из-за истощения культурных, идеологических, человеческих ресурсов [28]. Задача советской интеллигенции состояла в легитимации советской власти и обеспечении поддержки режима. Последнее достигалось с помощью образования, прежде всего готовившего функционеров. Унифицированные модели этого образования исключали возможности для индивидуального разнообразия, вариативности, выбора, конкуренции, личного достижения. Культурные ресурсы социальной системы исчерпались довольно быстро. Их хватило на первичную индустриализацию, военную модернизацию и, с громадным напряжением, на восстановление ущерба и разрушений, вызванных Второй мировой войной. Дела двигались до поры, пока была догоняющая индустриализация. Но едва начался период постиндустриализма, рассчитанный на преобладающую роль науки и воспроизводство знаний, страна остановилась. Начался склероз внутреннего развития образованного общества. Здесь трудно назвать верхи государства и общества элитой. Эти верхние звенья, управлявшие экономикой, промышленностью, политикой, развитием культуры и образования, были огосударствленной бюрократией с философией служивых людей. Их мировоззрение отличается от жизненных позиций среднего класса, который «в обществах другого типа видит себя центром мироздания, естественной основой общества, чьи системы координат становятся нормой для других» [28, с. 29—30].

Библиография

1. Szelenyi I., Martin B. The Three Waves of New Class Theories and a Postscript / Intellectuals and Politics: social theory in a changing world. Ed. by Charles C. Lemert — Newbury Park, C A.: Sage Publications, 1991. — P. 19—30.
2. Дэниел Белл — американский социолог, исследователь наследственных противоречий капиталистического общества.
3. Gouldner A. The Dialectics of Ideology and Technology. — New York: Seabury, 1976.
4. Gouldner A. The Future of the Intellectuals and the Rise of the New Class. — N. Y.: Seabury, 1979.
5. Konrad G. and Szelenyi I. The Intellectuals on the Road to Class Power. — N. Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1979.
6. Konrad G. and Szelenyi I. Intellectuals and Domination in Post-Communist Societies / Social Theory for a Changing Society. Ed. by P. Bourdieu and J. Coleman. — Boulder and Oxford: Westview Press. 1991. — P. 337—361.
7. Бауман 3. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. — 1994. — № 4. — С. 69—80.
8. Левада Ю. А. Проблема интеллигенции в современной России // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. — М., 1994. — С. 208—214.
9. Кон И. С. Социологическая психология. — М.: Московский психолого-социальный институт, 1999.
10. Фирсов Б. М. Интеллектуалы, власть и коммуникация // Социологический журнал. — 1995. — № 4. — С. 21—30.
11. Цит. по: Давыдов Ю. Н. Уточнение понятия «интеллигенция» // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития. — М., 1994.

12. В. Живов. Об оглядывании назад и частично по поводу сборника «Семидесятые как предмет истории русской культуры» // Неприкосновенный запас. — 1999. — № 2(4) — С. 48—55.
13. Шмелев Н. П. Интеллигенция и реформы // Конгресс российской интеллигенции. Москва, 10—11 декабря 1997 г. — СПб., 1998. — С. 39—55.
14. Timasheff N. The Great Retreat. The growth and decline of communism in Russia. — N. Y., 1946.
15. Подгородников М. Слабый позвоночник // Знамя. — 1999. — № 9. — С. 157—172.
16. Шкаратан О. И. Социальная стратификация в постсоветской России: от сословно-слоевых к классовым отношениям / Социальная стратификация: Учеб. пособие. — М., 1996. — С. 287—312.
17. Цит. по книге: Гайдар Е. Государство и эволюция. — М., 1995.
18. Корнев С. Выживание интеллектуала в эпоху массовой культуры // Неприкосновенный запас. — 1998. — № 1. — С. 18—21.
19. Тойнби А. Постижение истории. — М., 1991.
20. Бьорлинг Ф. Whether 'tis nobler in the mind... Пастернак и нравственная дилемма послереволюционной интеллигенции // Россия/Russia. Новая серия под ред. Н. Охотина. Вып. 2(10). Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. — М.: О. Г. И. — 1998. — С. 95—103.
21. Пастернак Б. Собр. соч. в пяти томах. — М., 1989—1992. — Т. IV.
22. А. Уткин. Наша и «эта» страна // НГ сценарии. Приложение к «Независимой газете», № 13 (22), 12 дек. 1997.
23. Питирим Сорокин и социально-культурные тенденции нашего времени. Материалы к Международному симпозиуму, посвященному 110-летию со дня рождения П. А. Сорокина. — М. — СПб., 4—6 февраля 1999 г. — М. — СПб., 1999.
24. Лотман М. Ю. Интеллигенция и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) // Россия/Russia. Новая серия под ред. Н. Охотина. 1998. Вып. 2(10). — С. 122—151.
25. Вехи. Сб. статей о русской интеллигенции — М., 1990.
26. Гаспаров М. Л. Русская интеллигенция как отводок европейской культуры // Россия/Russia. Новая серия под ред. Н. Охотина. 1998. Вып. 2(10). — С. 20—27.
27. Цит по: Лисичкин Г. Ловушка для реформаторов // Октябрь, 1999. — № 7.
28. Гудков Л. Образованные сообщества в России: социологические подступы к теме // Неприкосновенный запас. — 1999. — № 1(3). — С. 23—31.

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА БАХТИНА
1.X.1923—8.VI.2001

Умер Владимир Соломонович Бахтин, Володя, как называли его многие, хотя миновал уже и 75-летний юбилей нашего друга — юбилей, который мы, кажется, отмечали так недавно. Замечательный ученый, талантливый собиратель и исследователь фольклора, литературовед, писатель. Участник войны. Выпускник Ленинградского университета.

Он был человеком большой доброты, совершенно неконфликтным, но известные обстоятельства времени в конфликты его втягивали — не раз он оказывался разлученным с любимым делом, а то и просто оставался без работы. Так случилось в середине 1950-х, когда ему пришлось уйти из Петрозаводского пединститута: молодой преподаватель слишком рано поверил, что в его страну пришла демократия. Спустя почти десятилетие ситуация повторилась в Ленинграде, когда В. Бахтин был референтом Союза писателей по работе с молодыми авторами. Его «подопечные» прочитали на большом литературном вечере «не те» стихи, и Бахтина «отставили» снова.

Спасал творческий труд, которому В. Бахтин независимо от условий жизни был отдан беспредельно, заслужив титул «работоголика». Еще в университетские годы он, ученик выдающегося исследователя народного творчества, профессора М. К. Азадовского, начал ездить в фольклорные экспедиции. Постепенно собрался огромный материал — песни, частушки, сказки, записанные на Северо-Западе страны. Вышло несколько книг, в том числе фундаментальное издание частушек в Большой серии «Библиотеки поэта». Потом возник новый большой замысел — собрать фольклор наших бывших соотечественников, и В. Бахтин в своих поисках посетил немало старинных русских поселений в Болгарии, Монголии, Польше, Румынии, Финляндии.

Авторитетом в ученых кругах В. Бахтин обладал подлинным. Пусть диссертаций он не защищал, своим учеником Марк Константинович Азадовский мог бы гордиться, и в профессиональном, и в моральном смысле. Вызова властям В. Бахтин не бросал, но собранные и систематизированные им образцы свободного фольклорного творчества, народного юмора и народной сатиры, включая анекдоты про вождей, советским начальникам были, конечно, не по нраву. Пришло время, и эти материалы заняли свое необходимое место в огромном сборнике «Самиздат века» — Владимир Соломонович обеспечил его фольклорный раздел блестяще.

Многие годы В. Бахтин был связан со «Звездой». В 1950-х он печатал тут свои первые рецензии, а совсем уже недавно в издательстве «Звезды» вышел составленный и откомментированный им том «Полного собрания сочинений» Л. Добычина, талантливого прозаика, канувшего в небытие в 1930-х.

Еще об одном таланте В. Бахтина сказать следует обязательно — о таланте дружбы и человеческой верности, которую иногда так трудно соединить с моральной принципиальностью. Он осудил поведение своего старшего товарища, поэта А. Прокофьева, за его, скажем прямо, постыдную роль в «деле» Иосифа Бродского. Но не изменял высокой оценке того, что сделал «Прокоп» в русской поэзии.

Бахтин-фольклорист выступал как собиратель и комментатор, Бахтин-критик писал книги и статьи о своих современниках — А. Прокофьеве, Р. Погодине, Г. Горышине, о поэтах-фронтовиках. Он поддержал в свое время молодых — В. Соснору, Н. Рубцова, Г. Горбовского, И. Бродского.

Вместе с Б. Н. Путиловым он выпустил книгу «Фольклор ГУЛАГа». Необходимыми для многих исследователей литературы оказались труды В. Бахтина библиографического характера: справочники «Писатели Ленинграда» (совместно с А. Н. Лурье) и «Ленинградские писатели-фронтовики». Три года назад (1998) была выпущена библиография работ самого Владимира Соломоновича (сост. Е. Соловей). В ней 553 названия. Теперь можно добавить еще более полусотни... Необходимо также издать и ненапечатанные его труды.

Прекрасный рассказчик — непосредственный, увлекающийся — он часто, особенно в последнее десятилетие, выступал по радио и по телевидению. За десять дней до его ухода на телеэкране показали фильм о нем самом.

Владимир Бахтин был человеком благородным и мужественным. Последний раз это мужество засвидетельствовали месяцы тяжкой болезни, то, как он в труде перемогал, пересиливал смерть. Не хватать его будет многим из нас.

А. Рубашкин

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

РОССИЯ И КАВКАЗ

МЕМУАРЫ XX ВЕКА

ПУБЛИЦИСТИКА

ЭССЕИСТИКА И КРИТИКА

ФИЛОСОФСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

МНЕНИЯ

ПРОЗРАЧНОЕ ОБЩЕСТВО

НАМ ПИШУТ